

Ольга

Медведева - Жайы

Кандидат филологических наук, специалист по польской литературе и истории, автор многих публикаций о поляках в Казахстане и Средней Азии в годы Второй мировой войны, вышедших в Казахстане, России, Польше и Канаде.

ИСЦЕЛЕНИЕ ПАМЯТЬЮ

Совсем недавно – и в известной мере случайно – мне попал в руки томик стихотворений Петра Чесельского «Неутоленность», изданный в Польше в 2015 году (Piotr Ciesielski. Niedosyt. Wrocław 2015). Имя автора было мне не знакомо, и, будучи специалистом в области польской литературы и истории, я открыла его книжку из профессионального любопытства. Ее содержание в полной мере отвечало названию: поэт не приемлет ориентации сегодняшнего общества на потребление, а сегодняшнего искусства – на рекламу и развлечение; в сегодняшнем дне ему явно не хватает духовности. Что касается самой стихотворной материи, то меня привлекла в ней легкость соединения актуальных реалий с вечными образами, пластичность перехода от рифмы к белому стиху, игра цветом и необычность ассоциаций.

Я также обратила внимание на два стихотворения, которые были явственно связаны с Казахстаном. Как автор публикаций на польско-казахстанскую (и польско-среднеазиатскую) тему, я не могла равнодушно пройти мимо них.

Известно, что в польской литературе есть немало произведений, основанных на личном опыте писателей, которые, ссыльными или беженцами, в годы Второй мировой войны оказались в Казахстане и Средней Азии (назовем хотя бы поэтов Анджея Вата и Богдана Чайковского).

Петр Чесельский не из их числа. Он родился в Польше в 1981 году, не познал ни войны, ни депортации, ни беженства. Не пережили их и его родители. Никто из них даже никогда не бывал в Казахстане. Однако память об этом крае живет в семейных генах. Предки Петра с материнской стороны бежали из Польши после оккупации страны нацистами 1 сентября 1939 года; прародители Петра с отцовской стороны были насильственно вывезены в Казахстан из Восточной Польши после того, как она была занята Красной Армией 17 сентября 1939 года. Первые добежали до Самарканда, где те из них, что избежали голодной смерти, спаслись от фашистской чумы. Вторых в товарняках доставили в село Прохладное в Восточно-Казахстанской области, где многие из членов семьи выжили, несмотря на тяжелейшие условия. Однако и здесь не обошлось без трагических потерь: в карагандинской шахте погиб прадед Петра. Те, кто уцелел, после войны вернулись в Польшу. Но годы ссылки и беженства остались в их памяти. Они отразились и на судьбах их детей – родителей поэта. Они отчасти определили и

его собственное мировосприятие, мировосприятие представителя четвертого и третьего поколения поляков, очутившихся в Казахстане и Средней Азии, – поистине пути войны неисповедимы.

Петр знает свою семейную историю по рассказам бабушек, они запечатлелись в его детской памяти, в его детской душе и, смею сказать, в его теле. В них затаилась боль его предков. Позднее истории бабушек были дополнены его собственным любопытством – он серьезно изучал историю Польши, а еще позже – его поэтическим прозрением, когда рассказы о Казахстане, об этом суровом и дивном крае, таинственном и загадочном, ставшем для его предков краем страданий, отлились в стихи, в которых восприятие поэта наслаивается на угол зрения его предков. Взгляд сквозь такое необычное оптическое устройство не может не быть интересным... Польскому читателю он помогает исцелиться от, казалось бы, незаживающей раны прошлого. Но, думается, стихотворения Петра Чесельского ищут своего читателя и в Казахстане – там, где они могут и должны найти его в первую очередь. Там, где может и должна состояться «встреча» чужеземца, размышляющего об истории Казахстана, и современного казахстанца, «разворачивающего» каждое слово польского стихотворения, вступающего с ним в диалог и тем самым проявляющего готовность понять самого себя, свой народ и сегодняшний день своей страны.

Предлагаю вниманию казахстанского читателя два стихотворения Петра Чесельского в переводе московского поэта Игоря Лапатухина.

Ванкувер (Канада)

Петр Чесельский

КАРАГАНДА

Есть такие места, где степь упирается в горы,
Вот степи бы подняться иль горе снизойти с облаков...
А во мраке озер скрыты души врагов,
И добра не сулят затаенные взоры.

Есть такие места, где незримо враждуют границы.
И пришельцев, и местных очумелая тьма:
Ненасытность пространством сводит мысли с ума –
И кипит голова от желания биться.

Только внешне покой этих мест не нарушен,
Здесь дыханье кентавров слышат во сне пастухи.
Край – хоть пропасть пока не разверзлась,
Мгла – мрак кромешный еще впереди.

Здесь только камни бессмертны и животворящи.
Что им верх? Что им низ? – Все равно.

Что мороз и что пыль? – Все одно.
И что ищут, лишь то и обрящут.

В подземелье клокочет Прометеев огонь.
Угас черный день,
Гудит глоссопалалией черная ночь:
Пруссак и татарин, эст и жемайт,
Армянин, подолянин, кореец,
Облаченные в тусклую тьму –
Все летят в эту едкую бездну...
Человечий уставший оркестр –
Все без имени – в адский реестр!

Ничему не учит нас время...

Есть места – даже мысль там тупит свой клинок,
И берется поэт за перо, чтоб не вымолвить слова,
И марает бумагу,
Нет бы чистой оставить.
И глухнет.
И слеза высыхает.
И лишь око Творца различает
Каких-то домов силуэты
На проспекте какого-то имени,
Спортплощадку, газон, припорошенный пылью...

Тишина и покой...

Только тащится белый фургончик.
Что-то куда-то везут...
А поодаль приткнулся другой – грязно-красный.
До поры в ожидании замер?
Или навеки застыл?

Так обычно...
Так странно...

ВОЛКИ В СЕНЯХ

Уже зима идет по следу,
Мороз загривки леденит,
В степной простор клыки вонзит –
И обещает только беды.

И пастухов уж не сыскать
С их бесконечными стадами,

Придется мерзлыми костями
Безумный голод утолять.

Сорвутся с поводка метели,
И все живое пропадет,
Неведомо куда уйдет
От стай бредущих еле-еле.

А что охотник без поживы?
С закатом остывает кровь,
Отчаявшись проснуться вновь
Без крох тепла, которым живы.

Мы, нюхом опознав жильё,
Забились в сени, как ягнята,
В своем враге увидев брата,
Окоченевшее зверье.

И люди, ну совсем как мы:
Дома в степи – преддверье ада,
А жить и хочется, и надо
И им, и нам – и все равны.

